

Краткое содержание:

Цзинь Гуаншань появляется в своём самом страшном виде, неся с собой скрытый замысел.

Если и есть что-то, что Не Хуайсан ненавидел больше всего, так это запоздалое получение жизненно важной информации.

Цзинь Гуаншань загнал кипевшую в нём ярость в угол сознания, вместо этого выдвинув вперёд приятную общительность и добродушное обаяние.

После окончания войны глупости, которые он со смирением терпел от своей жены, только усугубились; диковинные истории, что он выслушивал от неё наедине, больше не были просто пищей для сплетниц и дураков. Нет, в эти дни о такой нелепости, как Слившиеся Пары, говорили даже на открытых судебных заседаниях те, кого он некогда уважал за их надёжность. Романтическим сказкам не место в разумном обществе, считал Цзинь Гуаншань, и он сделал всё возможное, чтобы избавить Ланьлин Цзинь от любого подобного легкомыслия (он не мог прямо запретить продажу таких книг, но мог убрать их с лекций и уроков).

Вера в легенды только сдерживала продвижение вперёд, и Цзинь Гуаншань отказывался позволить такому безумию, как Слившиеся Пары, мешать ему в достижении своих целей, даже если ему пришлось бы использовать какую-то... сомнительную тактику, чтобы заставить остальную часть мира совершенствования увидеть истину. Как только он раскроет правду об этой так называемой Паре из оживших легенд, он сможет насладиться униженными извинениями и похвалами.

Легенды хороши только как сказки на ночь для детей, а те, кто продолжал верить в них после десятого дня рождения, были дураками.

И именно из-за этого безумия, охватившего Ордены заклинателей с конца войны, Цзинь Гуаншань терпел неудачу за неудачей. Его сын и наследник отсутствовал на поле самого важного, финального боя (очевидно, охранял этот невыносимый дуэт, являющийся корнем всех его проблем), поэтому он не смог использовать триумф мальчика для своего прихода к власти. И как соль на жгучую рану, его внебрачный сын, которого он спустил с лестницы и гнал прочь от самого Ланьлина, оказался необходим для военных действий — настолько важен, что у него не оставалось иного выбора, кроме как узаконить его, если он хотел заполучить, хотя бы немного славы. Поэтому он неохотно возвысил своего бастарда, чьи глаза, на его вкус, были слишком лживыми и острыми, назвав его Цзинь Гуанъяо.

В эти дни он присматривал за ублюдком, и юноша, в этот миг стоящий слева от него, его племянник Цзинь Цзысюнь, регулярно отчитывался перед ним. К его нескончаемому разочарованию, этот недоделанный дурак-племянник оставался самым высокопоставленным заклинателем под его командованием, поскольку его сын продолжал развлекаться в Цинхэ.

Что ж, за это он успеет отчитать Цзинь Цзысюаня во время своего визита.

Теперь же Цзинь Гуаншань стоял перед воротами главной цитадели Ордена Цинхэ Не в окружении полудюжины своих самых толковых заклинателей (в соответствии с просьбой (требованиями) Не Минцзюэ) и усмехался нелепости ситуации. Впрочем, усмешка – единственное, что он мог себе позволить. Пришлось согласиться с приказом главного заклинателя и пройти нелепый обыск своего имущества и разрешить допрос своих людей.

Такая непристойность! Цзинь Гуаншань всё ждал, что кто-то потребует, чтобы он вообще сдал свой меч.

Не Минцзюэ встретил его на ступенях главного зала, Лань Сичэнь и Цзян Ваньинь стояли по обе стороны от него, а Цзысюань, младший брат Не Минцзюэ и несколько других глав мелких Орденов и кланов выстроились полукругом за их спинами. Казалось, они собирались выступить против него единым фронтом.

Что ж, Цзинь Гуаншань был не из тех, кто отступает перед такой демонстрацией.

— Главный заклинатель Не, глава Ордена Лань, глава Ордена Цзян.

— Глава Ордена Цзинь.

Формальности таких встреч были соблюдены, после чего Цзинь Гуаншань последовал за хозяином в главный зал, гораздо меньший по масштабам и величию, чем его собственный. Он позволил самодовольному выражению промелькнуть на своём лице, прежде чем опуститься за один из столиков во главе зала.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы все вошли, но за это время Цзинь Гуаншань опытным взглядом успел отметить всех присутствующих и явно отсутствующих.

— Я вижу, что молодого господина Вэя и второго господина Ланя здесь нет, — произнёс он, с удовлетворением наблюдая, как почти все в зале на мгновение напряглись. — Надеюсь, они в порядке?

— С ними всё хорошо, — ответил Лань Сичэнь с приятным, но пустым выражением лица.

— Смогут ли они присоединиться к нам? Я много слышал об их достижениях. — Цзинь Гуаншань не без внутреннего злорадства отметил, как вспыльчивый хозяин Пристани Лотоса злится из-за его чрезмерно добродушной заботы. Отлично.

— К сожалению, они не придут. Но я передам им Ваши слова, — проговорил Лань Сичэнь, звуча, как спокойный контрапункт растущему гневу Цзян Ваньиня.

Цзинь Гуаншань явственно различил возню, когда люди в зале зашевелились. Он знал, что если бы Не Минцзюэ не смотрел на всех свысока, раздались бы и шепотки, но у него ещё было время поместить кота среди кур; он получит достаточно информации от мельницы сплетен, прежде чем уедет через неделю.

— Глава Ордена Цзинь, почему ты здесь? — Не Минцзюэ никогда не был склонен к расшаркиваниям.

— Разве я не могу прийти и поприветствовать нового главу мира совершенствования? — ответил Цзинь Гуаншань, старательно сдерживая гнев и ревность в голосе. — Это обычай, в конце концов. И, тем не менее, у Вас не было ни празднования, ни должного объявления. — Он оглядел зал, и на его лице отразились фальшивое удивление и любопытство. — Интересно, почему это так?

Не Минцзюэ поднял бровь.

— Есть гораздо более важные вещи, на которых можно сосредоточиться вместо подобного легкомыслия, — заявил он, не утруждая себя сокрытием собственного раздражения. — Я уверен, что праздник может подождать более стабильных времён.

Цзинь Гуаншань согласно кивнул:

— Конечно. Такое прагматичное мышление. Я с нетерпением жду времени, когда можно будет проводить такие торжества. — Он наклонился вперёд. — Заключение Вэнь были переданы в руки Не, и я согласился выдать Вам тех, кто проводил несанкционированные и непродуманные... эксперименты. Но Ваши требования стали ещё выше, теперь Вы обыскиваете вещи и допрашиваете тех, кто приходит в Цинхэ. Вы даже зашли так далеко, что наняли и обеспечили безопасность двоих из тех, кто когда-то был частью ближайшего окружения Вэнь Жоханя.

Он сдержал ухмылку, когда глава Цзян попытался было подняться на ноги, но остался на месте, удерживаемый главой Лань, который сдерживающее положил ладонь на его плечо. Однако Гуаншань не упустил искорки гнева, мелькнувших на безмятежной маске обычно спокойного господина Облачных Глубин. Интересно.

— Безопасность тех, кто находится в стенах моего дома, стоит гораздо больше, чем незначительный дискомфорт тех, кто приходит сюда погостить. И тех, кого я решу оставить в этих стенах, я также выберу на моё усмотрение, глава Ордена Цзинь, — холодно сказал Не Минцзюэ. — Разве в Вашем Ордене Вы действуете по-другому?

Его улыбка не была доброй, и Цзинь Гуаншань получил острое напоминание о том, почему он никогда открыто не оспаривал у этого человека титул главного заклинателя.

— Это Ваше право. Но я должен задаться вопросом, стоит ли безопасность Ваших людей тех...

неудобств, что недавно выпали на долю Цинхэ?

— Будьте осторожны со своими словами, глава Ордена Цзинь! — прорычал Не Минцзюэ. — Вас пустили сюда из уважения к Вашему положению, не из-за чего другого.

Цзинь Гуаншань улыбнулся.

— Разумеется, я не хотел бы навязываться. Просто дружеский совет. Конечно, Цинхэ не может позволить себе такие вещи, как стихийные пожары и регулярные проливные дожди.

— Это не Ваше дело! — рявкнул вспыльчивый Цзян, и его глаза вспыхнули отрадным гневом. — Мы не в Ланьлине, глава Ордена Цзинь, Вы...

Не Минцзюэ покачал головой, и молодой глава Ордена оборвал себя. Он нахмурился и, скрестив руки на груди, уставился на Цзинь Гуаншаня пристальным, сверлящим взглядом.

Глава Цзинь почувствовал лёгкое тепло в груди — всегда было приятно иметь дело с молодыми и безрассудными.

* * *

Цзян Чэн вышел из зала, как только смог, и хмурился всю дорогу до Комнаты Исцеляющего Лотоса. Он взбежал по лестнице, вошёл в комнату и аккуратно прикрыл за собой дверь (однажды он хлопнул дверью и за свои опрометчивые действия получил монументальную лекцию от Вэнь Цин о тишине и покое).

— Если увидишь поблизости кого-нибудь из Ордена Цзинь, немедленно дай мне знать! — прошипел он, свирепо глядя на целительницу. — В стенах цитадели им предоставлена ограниченная свобода, и они не должны находиться близко от нас.

В ответ на его эмоции, Цзыдянь ярко вспыхнул.

— Насколько я понимаю, Цзинь Гуаншань не изменился, — констатировала Вэнь Цин нарочито весёлым и ровным тоном. Эмоции Цзян Чэна были как остриё ножа, когда его гнев просыпался, и они с Лань Сичэнем нашли отличный противовес его ярости. — Вэнь Жохань тоже не был хорошего мнения об этом человеке.

— Не знаю, что я чувствую, соглашаясь с мёртвым деспотом, — пробормотал Цзян Чэн, ссутулившись на стуле и ворча. Не имея непосредственной цели для своего гнева, он посмотрел на Лань Сичэня, который как раз вошёл в комнату и теперь закрывал дверь. — И я не хочу вести с ним светские беседы или делать что-то ещё.

Лань Сичэнь кивнул с серьёзным лицом:

— В данный момент мы не обязаны казаться дружелюбными или враждебными, Ваньинь. Искренность сейчас важнее.

— Я не умею ладить с жаждущими власти главами, у которых меньше здравого смысла, чем...

— Чем дольше ты разглагольствуешь о нём, тем злее становишься. Сделай глубокий вдох, Ваньинь, и сосредоточься. Цзинь Гуаншаню сюда нельзя, а вне времени приёма пищи ты нигде не нужен. — Лань Сичэнь сел рядом с Цзян Чэном, не сводя с него глаз. — Не делай себя мишенью для его манипуляций.

Цзян Чэн нахмурился, но он уже чувствовал, как ярость утихает, даже когда краска залила его шею — он не хотел сейчас выяснять причину последнего, поэтому просто кивнул и опустил глаза в пол.

Лань Сичэню не совсем удалось скрыть улыбку, и он наклонил голову в сторону Вэнь Цин. Целительница закатила глаза, улыбка приподняла её губы, и глава Лань почувствовал, как поднялось его собственное несколько кислое настроение. Он действительно наслаждался своим общением с ними немного больше, чем ожидал, и даже начинал скучать в те редкие случаи, когда ему приходилось бывать где-то ещё в течение дня.

Вэнь Цин кашлянула, привлекая к себе внимание Цзян Чэна.

— Он здесь на неделю, и большую часть этого времени от тебя не требуется вести себя хорошо, не тогда, когда ты мне понадобишься больше, — прокомментировала она и жестом пригласила его подойти. — Если хорошо попросишь, я даже позабочусь о том, чтобы ты чаще был без сознания. — Она улыбнулась ему, и в её глазах мелькнуло веселье.

— Не уверен, что предпочёл бы, — пробурчал Цзян Чэн и положил ладонь на лоб Лань Ванцзи.

Передача энергии истощила его больше, чем он ожидал. К тому времени, как он пошатнулся, Вэнь Цин уже была вовсю занята перенаправлением переданной энергии, но Лань Сичэнь подхватил его под руку, прежде чем он успел слишком опасно наклониться в ту или иную сторону. Он помог Цзян Ваньиню сесть на стул, и их обоих окатила волна беспомощного разочарования, когда глава Гусу Лань перекачал небольшое количество своей энергии в Цзян Чэна, пытаясь вернуть хоть немного красок его лицу.

— Сколько ещё? — пробормотал Цзян Чэн. — Сколько ещё мы будем здесь поддерживать их жизнь?

Он почувствовал, как Лань Сичэнь положил руку ему на шею, и успокаивающие волны энергии сняли напряжение, которое он носил в себе весь день.

— Пока они не проснутся, Ваньинь. Сейчас это всё, что мы можем сделать, и мы делаем это хорошо.

На мгновение Цзян Чэн позволил себе расслабиться в комфорте, предложенном другим мужчиной, позволил своим заботам просто... существовать.

«Неужели они действительно так сильно покалечили себя, истощая иньское железо, что никогда не смогут проснуться? Будем ли мы вынуждены годами продолжать вливать бульон им в горло и массировать их мышцы, чтобы предотвратить появление язв и скованности? Всегда ли вокруг них будет ощущаться эта тонкая атмосфера беспокойства, страха перед смертью одного из них?» — отрешённо подумал Цзян Чэн, а потом отпустил эти мысли вместе с нежным потоком энергии Лань Сичэня.

У них была более крупная и неотложная проблема — Вэнь Цинь.

Хотя целительница с разочарованным изяществом принимала кремы, мази и бинты, те мало могли помочь с корнем проблемы. Никто из них толком не знал о тонкостях лечения, но даже они понимали, что повторные ожоги только усугубляли ситуацию. Разговоры о том, что она вот-вот сожжёт меридианы в своих ладонях и руках почти до бесполезности, становились громче каждый раз, когда кто-нибудь из других целителей доставлял им новое лекарство. Только потрясающее мастерство Вэнь Цинь удерживало её от разрушения собственного тела, но даже мастерство не могло продержаться так долго.

Если Вэнь Цинь сожжёт себя до бесполезности, это будет означать конец. Если она не сможет исцелить Лань Ванцзи и Вэй Усяня полностью, будет ли мир совершенствования подвержен катастрофическим последствиям смерти Связанной, не полностью Слившейся Пары?

Цзян Чэн посмотрел в глаза Лань Сичэню и увидел, что в них отражается та же тревога, но в тот же миг тихое хныканье Вэнь Цинь, заглушающее её боль, достигло их ушей, и хотя это не уменьшило беспокойства, он больше не чувствовал себя одиноким. По крайней мере, он был с кем-то, кто его понимал. Ни один из глав не пошевелился, чтобы помочь целительнице — они ничего не могли для неё сделать, пока она не закончит выполнять свою задачу.

— Ты слышал что-нибудь от её брата этим утром? — спросил Лань Сичэнь, опуская руку на затылок Цзян Чэна — в эти дни этот жест был успокаивающим и знакомым.

Цзян Чэн поморщился:

— Ученик Нин беспокоится о том, что рубцы ограничат её движения, особенно если процедуры передачи будет продолжаться намного дольше, чем он надеялся. И ты сам слышал её беспокойство по поводу меридианов. — Оба главы скривились — один пожилой врач начал читать Вэнь Цинь лекцию об ущербе, которому она продолжала подвергаться, явно не осознавая реальности ситуации. Но Вэнь Цинь оборвала его острым взглядом и спросила: «Как бы Вы исцелили разрушенные меридианы заклинателя без золотого ядра, который совершенствовал достаточно энергии обиды, чтобы создать из неё новое ядро умиротворённого хаоса?» — а

затем продолжила читать этому человеку лекцию о его неудачах как целителя. Он сбежал из Комнаты Исцеляющего Лотоса чуть ли не в слезах и так и не вернулся (старшая целительница, целительница Туо, несколько сдержанная и хрупкая женщина, специально заказала любимый чай Вэнь Цин в качестве благодарности).

Сама целительница Туо приходила каждые три дня, чтобы попытаться смягчить повреждение меридианов Вэнь Цин, часто оставляя для них травы и чаи, которые Лань Сичэнь и Цзян Чэн заваривали в соответствии с приложенной инструкцией. Эти травы и чаи служили последним барьером между полезным и бесполезным.

— Сколько ещё она сможет это делать? — спросил глава Ордена Лань, пристально глядя на выражение боли, которое молодая женщина не могла сдержать, залечивая небольшую часть одного длинного извилистого пореза. Беспокойство и озабоченность смешались с отчаянной беспомощностью — они ни в малейшей степени не могли помочь, и, что ещё хуже, никто другой тоже не мог.

Никто не мог быть Вэнь Цин.

Цзян Чэн покачал головой:

— Нет никаких документальных подтверждений того, что кто-то неоднократно подвергал себя ожогам отторжения в течение более чем месяца. Большинство из целителей не выдерживают нескольких дней и часто передают пациента кому-то другому, — сказал он вполголоса, дополнив свой ответ цитатами из текстов целителей, которые изучал последнее время. — Но нет никого, кто может делать то, что делает она, поэтому передать свою роль она не может. — Целительница Туо однажды попыталась подменить Вэнь Цин, но не продержалась и нескольких минут, после чего заявила, что ей не хватает ловкости и мастерства.

— Мы должны надеяться, что они скоро проснутся, иначе они могут никогда не получить такого шанса.

Наступила взволнованная и напряжённая тишина, которую прервал Лань Сичэнь. Он поднялся, чтобы помочь Вэнь Цин пересесть на стул, и поднёс чашку с водой к её губам, решительно игнорируя её трясущиеся руки, которые не могли взять чашку. Цзян Чэн тем временем притащил корзину с кремами, бальзамами и бинтами и начал с левой руки целительницы. Присоединившийся к нему Лань Сичэнь занялся правой.

Им оставалось надеяться, что Вэй Усянь и Лань Ванцзи поправятся быстрее, чем выгорят меридианы Вэнь Цин.

* * *

— Дерьмо! — Обычно Не Хуайсан не находил повода для ругани — он предпочёл бы поквитаться, чем жаловаться. Но сейчас он обнаружил, что у него нет другого выхода.

В одной его руке было зажато письмо, которое он хотел бы получить четырьмя днями ранее. Госпожа Цзинь написала ему, чтобы выразить свою благодарность за то, что он так быстро доставил ей такие редкие книги — Не Хуайсан хранил их некоторое время, выжидая момента, чтобы воспользоваться преимуществом обладания такими романами, и отправил их ей, как только узнал о намерении Цзинь Гуаншаня приехать в Цинхэ.

Однако, что ещё более важно, она также, со множеством извинений, сообщила ему о незначительных повреждениях, которые получила книга, которую он ей одолжил ранее, и которые она обнаружила далеко не сразу.

Книга, о которой шла речь, была одной из тех, которые, как знал Не Хуайсан, содержали набросок одной и той же грубой метки, найденной у обоих потенциальных убийц. Захватывающий роман между внеклановым горным жителем, изгнанным ревнивым соперником, и красивой молодой девушкой благородного происхождения. Госпожа Цзинь одолжила книгу любимой служанке, а через несколько дней плачущая молодая женщина сообщила ей, что книга была украдена из её комнаты. Госпожа Цзинь заставила планомерно обыскать все комнаты главного дворца, и книга была найдена — в покоях Цзинь Цзысюня. Если бы тот не ушёл с её мужем тем утром в Цинхэ, госпожа Цзинь обязательно потребовала бы тщательного отчёта за его действия. Как бы то ни было, ей предстояло выслушать нерадивого племянника, когда тот вернётся, особенно с учётом того, что в последние дни тот отнимал у Цзинь Гуаншаня всё больше и больше времени по вечерам. Госпожа Цзинь вместе с письмом прислала средства для надлежащего ремонта книги и просила понимания относительно её повреждений, обещая, что Цзинь Цзысюнь также пришлёт извинения и объяснения.

Кроме этого, Не Хуайсан не нашёл в письме ничего примечательного — по крайней мере, ничего примечательного относительно текущей ситуации. Но и эти несколько абзацев заставили его потянуться к своему вееру со стальной шнуровкой и разразиться проклятиями. Цзини были в цитадели уже три дня, и не было лучшего времени для чего-то... неблагоприятного, чем сейчас, за ужином. Все важные люди собрались в зале, чтобы поесть, и только сам Не Хуайсан опоздал.

— Где Цзинь Цзысюнь? — спросил он, когда дверь его комнаты скользнула в сторону, и на пороге появился один из его личных слуг.

— Его нет в холле — он выскользнул из толпы и скрылся прежде, чем мы смогли увидеть, куда он направился, — с поклоном доложил мужчина и опустил глаза в пол. — Ли и Сун прямо сейчас отслеживают его.

Не Хуайсан нахмурился:

— Чёрт возьми. Он направляется в Залы Исцеления, я в этом уверен. Свободен ли тренер Цинь? Цзинь Цзысюнь не дурак, и он опасен. Ни у кого из вас нет навыков, чтобы справиться с заклинателем.

Чтобы не разорвать письмо на части, Хуайсан разгладил его и положил на стол.

— Он сопровождает Чифэн-цзуня, молодой господин Не.

— Дерьмо! — Хуайсан постучал своим тяжёлым веером по ладони левой руки. — Чёрт возьми. Иди и расскажи моему брату, что происходит — не беспокойся о том, чтобы быть осторожным, Фэн. Если то, что я подозреваю, происходит, это не будет иметь значения.

— Да, господин.

Дверь открылась и закрылась до того, как Не Хуайсан закончил засовывать свой смертоносный и красивый веер за пояс — он последует за своим слугой с доказательствами, которые он сможет собрать за несколько минут, что у него есть. Самое последнее письмо от госпожи Цзинь, ещё несколько писем от других людей из Ланьлина, рассматриваемая книга и скомканные бумаги с грубым знаком, нарисованным углём, — всё это было отправлено в коробку, прежде чем он повернулся и направился к двери.

Не Хуайсан надеялся, что не опоздает, ведь на карту было поставлено так много жизней.

* * *

Цзинь Цзысюнь заранее отметил позиции, которые занимали обычные патрули, и, успешно избегая их, пробрался в дальнюю часть цитадели.

Ту часть, куда всему контингенту Цзинь было запрещено входить.

Нетрудно было выяснить, где именно Не Минцзюэ, этот чересчур подозрительный ублюдок, держит Вэй Усяня и Лань Ванци. Конечно, в той части цитадели, необычной части, которая была закрыта. Не нужно было быть гением, чтобы понять это. А с усиленным патрулированием вокруг одной конкретной области даже идиот смог бы сделать вывод, что там что-то охраняется.

И все эти неприятности из-за двух молодых людей, один из которых не отличался хорошими манерами, а другой едва достаивал взглядом тех, кого считал ниже себя!

Что ж, сегодня вечером Цзинь Цзысюнь положит конец этой глупости, независимо от того, отдал приказ его дядя или нет.

В смятом письме, которое он нашёл в палатке своего кузена, говорилось о нелепых невозможностях. Умиравшая Сливающаяся Пара, контролируемая энергия обиды, разговоры о катастрофических разрушениях. Неужели трое глав великих Орденов действительно верили в эту сказочную чепуху? «Слившиеся пары» предназначались для фантастических историй и сверхактивного воображения, для мифов и сказок на ночь. Неужели все вокруг были ослеплены историями, которые рассказывали им матери, пока они сидели у них на коленях?

Был только один способ исправить дисбаланс в мире совершенствования и возвести Орден Цзинь туда, где ему и положено быть, — на вершину, и положить конец этой глупости в её зародыше.

Вэй Усянь должен был умереть.

Цзинь Цзысюнь верил, что и Лань Ванцзи тоже должен быть убит, но с трезвой ясностью понимал, что ликвидация второго молодого господина Гусу Лань принесёт куда больше неприятностей, чем убийство сироты, усыновлённого Цзянами.

Кроме того, если бы Вэй Усянь не сбил Лань Ванцзи с истинного пути, тот снова стал бы настоящим совершенствующимся, даже если бы и продолжал не достаивать взглядом всех, кого считал ниже себя.

Прошёл последний патруль, и путь между ним и Комнатой Исцеляющего Лотоса оказался свободен. Цзинь Цзысюнь ветерком порхнул по открытому пространству и, распахнув окно, быстро проскользнул внутрь.

Лань Сичэнь и Цзян Ваньинь оба были на ужине, и в комнате оставалась только целительница из псов-Вэней. Она не была мишенью, если только не вызовет суеты. Цзинь Цзысюнь почувствовал лёгкую досаду, увидев, что она спит, свернувшись калачиком, лицом к противоположной стене, почти до макушки укутанная одеялом. Ему не придётся иметь с ней дело, если только она не проснётся, но всё же Цзинь Цзысюнь надеялся, что она услышит его, и тогда он сможет отомстить и Вэням. Но он не мог просто стоять и бездельничать — если он будет отсутствовать слишком долго, возникнут проблемы.

Цзинь Цзысюнь приглушённо фыркнул, поморщился от резкого звука, и тут же себя оправдал — он был достаточно тих, чтобы не разбудить целительницу, и не было других свидетелей, которые могли бы рассказать об этом. И, возможно, всё выйдет ещё лучше, и в убийстве обвинят эту собаку-Вэнь. Эта мысль немного подбодрила его, и он, наконец, повернулся, чтобы посмотреть на свою цель.

У противоположной стены стояли две сдвинутые кровати, стул и несколько аккуратно сложенных корзин с различными лекарственными средствами. Лань Ванцзи и Вэй Усянь лежали рядом друг с другом, левая рука ланьца была связана с правой рукой демонического заклинателя полоской ткани. Цзинь Цзысюнь вынужден был признать, что оба заклинателя были в плохой форме. Нижние одежды, едва сохраняющие скромность, оставляли большую часть их кожи обнажённой, позволяя увидеть, какие именно травмы скрыли от глаз общественности.

Их тела были испещрены кровоподтёками. Порезы, длинные, маленькие — все, какие только могло нарисовать воображение, — покрывали их тела извилистыми, изогнутыми узорами, не кровоточащими, но и не закрытыми, просто блестящими от той мази, которую целительница из псов-Вэней должно быть применила этим вечером.

«Они должны были зашить их, — усмехнулся про себя Цзинь Цзысюнь, осторожно пробираясь по комнате и стараясь не издавать ни звука. — Может быть, тогда они зажили бы быстрее».

Маленький нож с его талии легко разрезал ткань, связывающую заклинателей вместе. Не стоило убивать Вэй Усяня прямо здесь, где его так быстро найдут. По его плану всё должно было произойти за стенами цитадели, ближе к поселениям внеклановых горцев. Там, где потребуется некоторое время, чтобы найти тело, и таким образом они смогут отвести подозрение от Цзиней. Вина, может быть, даже будет возложена на эту позорную кодлу убийц, если он справится с инсценировкой. Не похоже, чтобы Вэй Усянь возражал против небольшой прогулки, учитывая то, что, с тех пор, как Цзинь Цзысюнь вошёл в комнату, он по-прежнему оставался в неведении и без сознания.

Это будет конец дней маленького нарушителя спокойствия. Невоспитанный заклинатель даже не сможет возразить, когда его будут умерщвлять, и Цзинь Цзысюнь чуть не фыркнул от того, как легко оказалось всё проверить.

Так вот что угрожало Цзинь Гуаншаню: двое бессознательных, неподвижных заклинателей, которые, казалось, едва цеплялись за жизнь?

Вэй Усянь был до абсурда лёгким, и Цзинь Цзысюню не потребовалось никаких усилий, чтобы поднять его и перекинуть через плечо. С довольным видом он направился обратно к окну.

Если бы он оглянулся, хоть на мгновение, он бы увидел восходящий водоворот иссиня-чёрной энергии, который означал его смерть.

Это было быстро, но не безболезненно.

<http://bllate.org/book/13203/1177353>